

главной помощи, с пренебрежением первоначальной болезни, если последняя, перейдя в хроническую, стала менее важной и настоящей, они же постепенно возвысились до значения главной болезни.

Если я не ошибаюсь, практическая медицина обыкновенно выбирала три пути для применения лекарств против немощей человеческого тела.

Первый путь – удалить или уничтожить основную причину болезни – был самый возвышенный. Помыслы и стремления лучших врачей всех веков были направлены к этой цели, наиболее сообразной с достоинством искусства. Но великий камень преткновения – *познание основных причин всех болезней* – они никогда не могли преодолеть. Да и для большей части болезней эти причины на веки останутся скрытыми от слабого человека. Между тем, все, что можно было вывести из опыта всех времен, было собрано в общей терапии. Так, при упорных желудочных судорогах прежде всего устраняли общую слабость тела, судороги от ленточных глистов излечивали убиением солитера, лихорадку от испорченного содержимого желудка изгоняли посредством сильных рвотных, в простудных болезнях вызывали задержанное испарение, извлекали пулю, возбуждающую лихорадку. Цель первого пути остается выше всякой критики, хотя средства для ее достижения не всегда были самыми целесообразными. Оставим в стороне этот царственный путь, так как предстоит заняться двумя другими путями применения лекарств.

Этот принцип основывается приблизительно на следующем: *каждое действительное лекарственное вещество возбуждает в человеческом теле известный род собственной болезни, которая тем своеобразнее, тем отличительнее и сильнее, чем действительнее это лекарственное вещество **).*

**) Самые действительные лекарственные вещества, возбуждающие специфическое заболевание (а следовательно и самые целительные) называются ядами.

Нужно подражать природе, которая иногда излечивает хроническую болезнь посредством другой присоединяющейся болезни, и следует применять против болезни, подлежащей излечению (преимущественно хронической) такое лекарственное вещество, которое в состоянии вызвать другую, наивозможно сходную, искусственную болезнь, и первая будет излечена; *similia similibus*.

Необходимо лишь в точности изучать, с одной стороны, болезни человеческого тела по их существенному характеру и их случайностям, а с другой стороны – чистые действия лекарств, то есть существенный характер обыкновенно ими производимой специфической искусственной болезни рядом со случайными симптомами, происходящими от различия в дозе, в форме и проч. И тогда, выбирая для данной естественной болезни средство, вызывающее наивозможно подобную искусственную болезнь, можно будет излечивать труднейшие заболевания ***)).

***) Если хотят исподволь подойти к делу, как подобает осторожному врачу, то нужно дать это

Мускатный орех (семенное ядро *Myristicae aromaticaе*) уменьшает раздражительность всего тела, преимущественно же и очень продолжительно – раздражительность нервных путей. (Не усиливает ли он сократительную способность мышечных волокон, особенно в первых путях, и не уменьшает ли их способности к расслаблению?) В больших приемах мускатный орех производит в первичном прямом действии полную нечувствительность нервной системы, немоту, неподвижность, потерю рассудка, а в последственном действии – головную боль и сон. Он обладает согревающими свойствами.

Не будет ли мускатный орех полезен в слабоумии, соединенном с вялостью и раздражительностью первых путей? В первом случае, как подобно действующее, а во втором – как противоположно действующее средство? Говорят, что *Myristicae aromaticaе* оказался полезным при параличе глотки (вероятно, как подобно действующее средство).

Ревень – даже в малейших приемах целителен при поносах без каловых испражнений (скорее в силу своей склонности поощрять отправление на низ, чем в силу его вяжущего свойства).

Местные болепричиняющие средства – мушки, горчичники, тертый хрен, волчий перец, толченый ранункуль, прижигающие аппликации – успокаивают боли (и иногда с прочным успехом) посредством возбуждения искусственной боли другого характера.